

Веч. изд. - 1994. - 30 стр. - с. 4.

Тайна самоубийства Поля Робсона

Моисеева Л. П.

В мое дежурство в хирургическое отделение Кремлевской больницы «скорая помощь» доставила известного американского певца Поля Робсона. В окровавленной одежде, с наложенными на руки жгутами, в заторможенном состоянии, но без потери сознания. О количестве потерянной крови по цвету кожи судить было трудно. После смены белья и анализа крови больной срочно был направлен в операционную.

Мы обнаружили глубокие резаные раны на внутренней поверхности плеча и предплечья. Перерезаны были не только вены, но и артерии. Мы приступили к операции под местной анестезией, вручную сшили артерии, сделали внутривенное вливание. Состояние больного быстро улучшалось. Восстановилось нормальное кровообращение в руках. Больной пришел в обычное состояние, чему мы были очень рады.

Но не могли отогнать от себя мучительного вопроса: как расценивать это столь невероятное происшествие с Полем Робсоном? Наиболее твердым предположением было: это самоубийство. Но почему? Что заставило этого великого певца, всегда столь жизнерадостного, пойти на такой шаг, да еще в стране, где его искренне любили?

На следующий день срочно был созван консилиум, где, помимо хирургов, присутствовали главный психиатр Советского Союза профессор Снеженский и главный терапевт Виноградов. При тщательном обследовании никаких психических отклонений не обнаружили. Выказали единственное предположение: Робсон совершил попытку самоубийства под влиянием какого-то допинга. Заключение было однозначным, так как психические заболевания у нашего пациента в анамнезе отсутствовали, а настроение у Поля Робсона было всегда хорошее. Единственное, что накануне могло огорчить певца, — это его визит в американское посольство. Он просил посла выдать ему визу на гастроли в Китай и получил отказ.

На консилиум пригласили переводчика, всюду сопровождавшего Поля Робсона. Переводчик рассказал следующее. Накануне вечером к Полю Робсону в гостиницу «Москва» явились какие-то «дипломаты», не то арабы, не то африканцы. Чтобы не мешать приватной встрече, переводчик вышел в другую комнату. Часа через два он услышал какой-то спор явно на повышенных тонах. Вскоре гости удалились. Наступила тишина. Минут через 20—30 он услышал звук падающего тела и непродолжительный стон. Бросившись в комнату Робсона, там он его не обнаружил. На столе стояли бутылки из-под вина и минеральной воды, остатки еды.

В ванной горел свет, дверь была приоткрыта. На полу лежал окровавленный Поля Робсон, рядом валялась «опасная

бритва...

На третий день после операции из Англии прилетела супруга Робсона, которая довольно хорошо говорила по-русски. Она подтвердила, что супруг психическими заболеваниями никогда не страдал. Но рассказала также, что в последнее время к ним стали плохо относиться американцы, особенно правительство. Поэтому они покинули Америку и переехали в Англию.

Сам Робсон к этому времени стал веселым, общительным. О происшедшем не упомянул ни разу, а я сочла бестактным напоминать.

Как-то он вдруг предложил: «Прасковья, хотите я вам спою мою любимую арию из оперы «Отелло»?» И, не дожидаясь ответа, запел, да так громко, что сбежался весь медицинский персонал. Ему это было лестно. Хорошо что он находился в изолированной палате, где рядом не было больных.

В другой раз, шутя, но в то же время доверительно, сказал мне: «Прасковья, вы, наверное, думаете, что я миллионер. Но... это жена у меня миллионер. А я никогда не интересовался, есть ли у меня деньги!»

Так и остался для меня загадкой, загадкой и еще раз загадкой великий певец, которого я про себя называла «африканским Шаляпиным».